

Говард Филлипс Лавкрафт

В склепе

(In the Vault)

На мой взгляд, нет ничего более нелепого, чем устоявшееся в самых широких кругах представление о том, будто так называемая "простота" человека автоматически подразумевает его благоразумие и добродетель. Представьте себе средю типично американской сельской глубинки, где живет грубоватый, вечно все путающий деревенский гробовщик, с которым по его же собственной нерадивости и неуклюжести приключилась - причем не где-нибудь, а в кладбищенском склепе - весьма неприятная история, и буквально любой нормальный читатель сразу же подумает о том, что его ожидает пусть несколько нелепый, отчасти даже надуманный, но все же чертовски веселый и забавный рассказ. Ну так вот, я призываю в свидетели Господа Бога и утверждаю, что та банальная история, повесть о которой позволяет мне недавняя кончина Джорджа Берча, на самом деле являет собой то, на фоне чего даже самые мрачные и суровые трагедии нашей жизни предстают в самом что ни на есть игривом и незатейливом виде.

В 1881 году Берч перенес серьезное нервное потрясение и был вынужден уйти со своей прежней работы, но при этом, однако, по возможности всячески избегал разговоров на тему того, что же все-таки с ним приключилось. Аналогичную позицию занимал и его лечащий врач, доктор Дэвис, который также скончался несколько лет назад. Устоявшаяся молва гласила, что причиной пережитого Берчем шока и его последующего недуга явилось то обстоятельство, что по досадному недоразумению он случайно запер себя в склепе кладбища деревни Пек-Вэлли, и выбрался из него только девять часов спустя, причем посредством весьма примитивного, грубого, и к тому же самого что ни на есть чудовищного способа. И если все эти злоключения произошли на самом деле, то присутствовали в них и некоторые иные, более мрачные подробности, о которых поведал мне он сам, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, ставшего для него после тех памятных событий едва ли не повседневным явлением. Возможно, он признался мне в этом только потому, что я стал его лечащим врачом, хотя нельзя исключать, что после смерти Дэвиса ему просто требовался человек, которому можно было бы хотя изредка излить душу. Сам он был холостяком, а из родственников у него к тому времени уже никого не осталось.

Так вот, до 1881 года, как я уже упоминал, Берч служил деревенским гробовщиком на кладбище Пек-Вэлли. Его отличительными чертами были неизменно крайняя черствость и бездушие, причем по этим качествам он явно превзошел многих других представителей своей профессии. То, какие вещи он, по дошедшим до меня слухам, вытворял, в наше время могли бы показаться попросту невероятными, по крайней мере в городе; да и жителей самого Пек-Вэлли невольно передернуло бы, узнай они, с каким бесстыдством этот прискорбных дел мастер снимал с покойников их последние дорогостоящие убранства - благо дело, под крышкой гроба ничего не видно, - и с каким "благородством" он принимал и размещал безгласных членов вечного братства в их траурные саркофаги, скрупулезностью в оценке которых он нередко, причем весьма

нагло, пренебрегал. Короче говоря, в своей работе Берч отличался небрежностью, черствостью и, если так можно выразиться, профессиональной неуместностью.

И все же я возьму на себя смелость утверждать, что по природе своей Берч не был злым человеком. Это был исполнительный и, к тому же, отнюдь не лучшим образом отлаженный механизм, а точнее - бездушное, бездумное, невнимательное и жадное "бревно", подтверждением чему является хотя бы тот самый, в общем-то довольно нелепый инцидент, избежать которого можно было бы безо всякого труда, обладай Берч тем минимумом воображения, удерживающего обычного гражданина в определенных рамках.

Я испытываю некоторую неловкость и не знаю, с чего начать свой рассказ о приключившейся с Берчем истории, поскольку никогда не считал себя умелым рассказчиком. Впрочем, начать, видимо, следует с холодного декабря 1880 года, когда земля повсюду промерзла настолько, что кладбищенские могильщики наотрез отказались вплоть до наступления весны заниматься своим непосредственным делом. К счастью, деревня та была небольшая, и люди в ней умирали относительно нечасто, а потому всех усопших клиентов Берча вполне можно было временно расположить в одном довольно старинном склепе, словно предназначенном именно для таких целей.

В столь суровых погодных условиях наш гробовщик, видимо, окончательно впал в летаргическое состояние, и в своей традиционной беспечности, похоже, решил превзойти самого себя. Никогда еще он не делал столь неуклюжих, непрочных, можно сказать, просто хлипких гробов, и не относился с такой явной небрежностью ко всему тому, что его окружало, в том числе и к проржавевшей защелке на двери склепа, которую он впоследствии с такой беззаботностью распахнул и по собственному же недогляду захлопнул за собой, ни на что не глядя и ни о чем не думая.

Однако, рано или поздно, но весна все же наступила, и усердно вырытые землекопами могилы были готовы принять в себя девять жертв безжалостной старухи с косой, которые покорно дожидались своего часа, лежа во временной гробнице. Что до Берча, то он, всеми фибрами души презирая и ненавидя процедуру предстоящей перевозки и погребения покойников, также одним хмурым апрельским утром был вынужден приступить к выполнению своих обязанностей. Впрочем, работу свою он прекратил еще до полудня якобы по причине сильного дождя, который, как он заявил, раздражал его лошадь, и потому успел предать земле лишь одного-единственного покойника. Это был девяностолетний Дариус Пек, могила которого, естественно, находилась чуть ли не в двух шагах от склепа. Про себя Берч решил, что на следующий день примется с утра за маленького старичка - Мэттью Феннера, могила которого также располагалась относительно неподалеку. Впрочем, и этим его планам не суждено было сбыться целых три дня - вплоть до окончания великой страстной пятницы, то есть аж до пятнадцатого числа. Не будучи суеверным человеком, он в общем-то довольно безразлично относился ко всевозможным церковным датам и наотрез отказался заниматься в тот день сколь-нибудь серьезными делами. Однако следует признать, что события именно того памятного вечера самым серьезным образом изменили и самого Джорджа Берча, и всю его последующую жизнь.

Отложив таким образом на время все заботы о похоронах, Берч, чтобы подготовиться к траурной процедуре тело Мэттью Феннера, поехал в открытом фургоне по направлению к склепу. То, что он был при этом не вполне трезв, Берч и сам впоследствии признал, хотя в то время его еще нельзя было назвать горьким пьяницей, коим он стал впоследствии, да и то единственно с целью вытравить из души некоторые жуткие воспоминания.

В общем, он был всего лишь немного навеселе, но при этом особенно беспечен, и потому безудержно погонял лошадь, которая беспрестанно оглашала окрестности своим ржанием, била копытами, крутила головой, и вообще вела себя так же, как и в тот день, когда ее якобы сильно раздражал апрельский дождь. Погода на сей раз выдалась отменная, хотя и дул сильный ветер, и потому Берч искренне обрадовался, когда наконец добрался до своего убежища, открыв замок железной двери и войдя в сооруженный в толще холма склеп.

Любой другой человек, возможно, отнюдь не возрадовался бы, оказавшись в сыром, зловонном помещении, заставленном восемью беззаботно размещенными гробами, но Берч в те дни проявлял ко всему чуть ли не демонстративное безразличие, и волновало его лишь то, как бы не напутать в главном, и отвезти нужный гроб к нужной могиле. Он отнюдь не забыл те упреки, которые были высказаны в его адрес, когда родственники Ханны Биксби, пожелавшие перевезти ее тело в тот город, куда они сами переселялись, в самый последний момент обнаружили рядом с ее мраморной плитой гроб с телом судьи Кэпвелла.

В склепе было довольно темно, но Берч обладал отменным зрением, а потому не прихватил по ошибке гроб с телом Эйсафа Сойера, хотя он действительно очень походил на тот, который был ему нужен. Первоначально он сделал этот гроб для Мэттью Феннера, но затем забраковал его как слишком корявый и непрочный, поскольку в те дни душу его переполняли сентиментальные воспоминания о том, сколь добр и щедр был по отношению к нему старина Мэтт, когда сам Берч пять лет назад испытал горечь банкротства. Таким образом, он предоставил для Феннера свой лучший образец, однако стремление быть экономным не позволило ему выбросить забракованное изделие, и потому он решил использовать его для Эйсафа Сойера, скончавшегося от жестокой лихорадки. Сойер никогда не пользовался особой любовью окружающих, и вся округа была переполнена бесконечными историями о его почти бесчеловечной мстительности и липкой злопамятности по поводу тех или иных людских проступков и слабостей - как реальных, так и вымышленных. В отношении старого Эйсафа Берч не испытывал ни малейших угрызений совести, выделяя для него небрежно сколоченный из подгнивших досок ящик, который он сейчас оттолкнул от себя подальше в поисках гроба с телом Феннера.

Именно в тот момент, когда он наконец отыскал то, что ему было нужно, дверь от резкого порыва ветра захлопнулась, оставив Берча стоящим в сумерках, еще более густых, чем прежде. В узкую фрамугу над дверью внутрь проникала лишь малая толика света, а располагавшееся рядом с ней отверстие вентиляционной трубы не пропускало его вовсе, а потому Берчу не оставалось ничего иного, кроме как самым кошунственным образом, ощупью и спотыкаясь, пробираться среди длинных ящиков в направлении двери.

Наконец добравшись до нее, он, пребывая в предпохоронном сумраке, принялся дергать за проржавевшую ручку, толкать железную створку, то и дело изумляясь, почему это массивная панель стала вдруг такой неподатливой. Прошло еще немного времени, наполненного столь же бесплодными усилиями, когда до него стала постепенно доходить грустная правда - именно тогда он впервые громко закричал, как будто оставшаяся снаружи лошадь могла помочь ему чем-то более весомым, нежели одним лишь громким и довольно язвительным ржанием. Берч давно не осматривал защелку замка, она заржавела и теперь ее заклинило, отчего беззаботный гробовщик оказался запертым в склепе, став жертвой своей же собственной беспечности.

Произошло все это примерно в половине четвертого. Будучи по натуре флегматиком и довольно практичным человеком, Берч не стал попусту тратить время и силы на крик, а все так же на ощупь направился в угол склепа, где, как он помнил, лежали кое-какие инструменты. Лично мне представляется весьма сомнительным, что он уже в те мгновения проникся зловещей и даже жутковатой сущностью своего положения, однако следовало признать, что сам по себе факт столь нелепого заточения на значительном удалении от ежедневных маршрутов односельчан немало раздосадовал Берча. Получалось, что рабочий день его был безнадежно испорчен, и если сюда волею судьбы не занесет какого-нибудь бродягу, то он вполне мог застрять в этом месте на всю ночь, а то и больше.

Вскоре он действительно наткнулся на инструменты, и, выбрав из них молоток и стамеску, снова принялся лавировать меж гробов по направлению к двери. К тому времени воздух в склепе успел стать еще более зловонным, однако Берч, не обращая никакого внимания на столь незначительную для него мелочь, принялся возиться - в основном также на ощупь - с тяжелым и проржавевшим металлом задвижки. Многие бы он тогда отдал за фонарь или хотя бы за огрызок свечи, однако, лишенный их, был вынужден работать как мог, почти вслепую.

Придя к выводу, что защелка категорически отказывается поддаваться даже под напором инструментов, Берч решил поискать какой-то другой путь к спасению. Склеп был вырыт в склоне холма, а потому тянувшаяся сверху узкая вентиляционная труба проходила минимум через метровую, а то и более того толщу земли, что делало всякие раздумья над данным вариантом полностью бесполезными. Над дверью, правда, оставалась высокая, похожая на щель фрамуга, сделанная в кирпичном фасаде склепа, которая вселяла определенные надежды на свое расширение, однако лишь в результате упорного труда. Он долго глазел на эту фрамугу, пока в его мозгах усиленно прорабатывались варианты того, как бы до нее добраться.

Ничего похожего на лестницу в склепе, естественно, не было, а прорубленные вдоль стен и в задней части помещения ниши для установки гробов, на которые Берч подчас не без труда взбирался, ни коим образом не могли бы помочь ему дотянуться до фрамуги над дверью. Лишь гробы оставались единственным, хотя и весьма своеобразным материалом для конструирования импровизированных ступеней, и, придя к этому выводу, он стал прикидывать, как ему наилучшим образом их разместить. Вскоре Берч смекнул, что для достижения поставленной цели ему хватит и трех гробов, хотя для пущей уверенности и удобства лучше остановиться на четырех. Ящики были довольно ровные и их можно

было положить друг на друга, а потому он стал просчитывать варианты, каким образом из восьми гробов сложить некую платформу, которая вздымалась бы ввысь почти на два метра. Погруженный в эти раздумья, он уже начал сожалеть о том, что в свое время не сработал "ступени" своей будущей лестницы попрочнее и понадежнее, хотя я и не берусь судить, посетила ли его также крамольная мысль о целесообразности освобождения деревянных контейнеров от их содержимого.

В конце концов он решил три гроба разместить параллельно стене - они послужат базой всего сооружения, затем положить на них венцом еще четыре гроба - два на два, - а сверху установить последний, восьмой, который будет служить ему опорой для ног. По его прикидке, подобная конструкция должна была оказаться наиболее удобной, обеспечивающей подъем на нужную высоту. Правда, чуть подумав, он все же решил в качестве базы своей платформы использовать только два гроба, с тем, чтобы при необходимости использовать третий на самом верху - как знать, вдруг для осуществления задуманного плана освобождения ему понадобится больший простор для перемещения на верхотуре.

Итак, наш пленник, почти в полной темноте, приступил к осуществлению своего хитроумного плана, без особых церемоний перемещая и вздымая ни на что не реагирующие останки человеческой плоти на нужную ему высоту, словно создавая свою Вавилонскую башню в миниатюре. Под воздействием неизбежных подвижек и ударов некоторые гробы вскоре начали трескаться, а потому он решил приберечь достаточно крепко сколоченный гроб с телом маленького Мэттью Феннера для самого верхнего яруса, поскольку ему хотелось иметь под ногами как можно более прочную опору. Берч принялся отыскивать нужный ему ящик, ориентируясь почти исключительно по собственному осязанию, и потому наткнулся на него почти случайно, поскольку тот, повинувшись прихоти чьей-то таинственной воли, чуть ли не сам соскользнул ему в руки, тогда как гробовщик почему-то был уверен, что установил его в третьем ярусе.

Наконец, когда башня была сооружена, он ненадолго позволил отдохнуть натруженным рукам и присел на краешек нижней ступени своей мрачной конструкции. Прошло еще несколько минут и Берч, осторожно взобравшись с инструментами на вершину пирамиды, встал точно напротив узенькой амбразуры фрамуги. Края проема были сложены из кирпича, и потому он практически не сомневался в том, что ему без особого труда удастся, при помощи молотка и стамески, так расширить лаз, чтобы протиснуть в него свое крепкое тело.

Как только послышались первые удары молотка, лошадь издала тихое и радостное ржание, причем тональность ее голоса можно было интерпретировать двояко - и как ненавязчивое подбадривание, и как едва завуалированную насмешку. Как бы то ни было, звук этот оказался в данных условиях весьма уместным и даже логичным, ибо неожиданно упорное сопротивление совсем слабенькой на первый взгляд кирпичной кладки оказалось своего рода сардоническим комментарием по поводу тщетности потуг простого смертного, но одновременно служило и призывом к достижению цели, ради которой требовалось приложить максимум усилий.

Снаружи еще больше сгустились сумерки, а Берч все продолжал трудиться, как говорится, в поте лица. Теперь он работал исключительно на ощупь, поскольку

налетевшие откуда ни возьмись облака полностью закрыли луну, и хотя прогресс по-прежнему был весьма невелик, он чувствовал себя приободренным уже хотя бы тем, что несмотря на все неудобства продолжает неуклонно скалывать края верхней и нижней кромок зазора. Он был уверен, что к полуночи обязательно выберется наружу, причем - и это было вполне характерно для нашего героя - подобные мысли отнюдь не были омрачены какими-либо соображениями неприятного, мрачного и, тем паче, жуткого свойства. Не смущаемый гнетущим воздействием таких факторов, как позднее время и специфическое место действия, не говоря уже о более, чем необычном характере находившегося под ногами материала, он философски долбил кирпичную кладку, изредка отпуская короткое ругательство, когда в лицо ему отскакивал какой-нибудь мелкий кусочек, и весело похохатывая, когда тот попадал в начинавшую все более нервничать лошадь, при этом мирно щипавшую траву под ближайшим кипарисом.

Со временем проем расширился настолько, что он даже в нескольких местах примерился к нему своим телом, отчаянно ерзая ногами, отчего гробы угрожающе закачались и заскрипели. Как он обнаружил, особой надобности в дополнительном наращивании всей конструкции не было, поскольку отверстие находилось как раз на нужном ему уровне, так что дело теперь оставалось только за тем, чтобы еще больше расширить лаз.

Было, пожалуй, не меньше двенадцати часов ночи, когда Берч решил все же попытаться пролезть наружу. Усталый и неимоверно вспотевший даже несмотря на многочисленные передышки, он спустился на пол и присел на нижний ярус, чтобы справиться с силами перед решающим рывком, точнее проползанием, за которым должно было последовать неминуемое падение на землю, но уже с наружной стороны склепа. Оголодавшая лошадь беспрестанно и даже как-то жутковато ржала, и в душе он уже смутно желал, чтобы его единственная спутница в этом ночном приключении поскорее умолкла. Как ни странно, даже в преддверии долгожданного спасения на него вдруг нахлынула мутная тоска, и он уже чуть ли не со страхом предвкушал последнее усилие, поскольку реально осознавал внушительные габариты своей чуть рыхловатой, коренастой фигуры, характерной для мужчины, вступившего в начальную стадию среднего возраста. В очередной раз взобравшись на по-прежнему поскрипывающие гробы, он с мучительной тоской почувствовал собственный вес, особенно тогда, когда, вскарабкавшись на самый верхний ярус, услышал характерный усиливающийся треск, недвусмысленно означавший тотальное расщепление древесины. Берчу показалось, что он допустил стратегическую ошибку, не положив под ноги свой самый прочный гроб, ибо не успел он еще полностью взгромоздиться на него, как подгнившая крышка проломилась и он провалился на добрых полметра, встав ногами на то, о чем даже такой человек, как он, не решался и подумать. Крайне напуганная раздавшимся треском, а может, и той вонью, которая вслед за этим потянулась из склепа наружу, лошадь издала пронзительный крик, который едва ли можно было назвать обычным ржанием, и ошалело рванулась вперед, во мрак ночи, оглушительно громыхая тащившимся позади нее фургоном.

Оказавшись в столь неудобном и даже мерзком положении, Берч, ко всему прочему, обнаружил, что теперь стоит слишком низко, чтобы попытаться в очередной раз протиснуться в проделанный пролом. И все же он решил предпринять последнюю

отчаянную попытку. Вцепившись руками в края пролома, он попытался подтянуться, но обнаружил, что нечто, словно мертвой хваткой вцепившись в лодыжки обеих ног, тащит все его тело куда-то вниз.

В следующее мгновение он впервые за все время испытал уже самое настоящее чувство страха, поскольку, как бы ни брыкался и ни дергал ногами, он не мог освободиться от неведомой ему хватки, взявшей его ноги в безжалостный плен. Ужасная боль, словно от удара топора, стрельнула вверх по икрам, а в мозгу закружился водоворот страха, к которому с неугасимой силой реализма примешивались представления о зазубренных краях расколовшегося дерева, острых гвоздях и прочих неизбежных атрибутах разломанного деревянного ящика. Возможно, он даже закричал, но по-прежнему продолжал отчаянно, уже почти машинально извиваться и протискиваться дальше, хотя его сознание уже наполовину окунулось в бездну забытья.

Каким-то образом инстинкт все же помог ему продраться сквозь отверстие пролома, вслед за чем последовал глухой удар его тела о сырую землю. Идти он, как выяснилось, не мог, а вновь показавшаяся луна стала свидетельницей ужасающего зрелища: Берч волочил свои кровоточащие ноги к кладбищенской сторожке, в безумной поспешности цепляясь пальцами за черную землю, хотя на самом деле тело его передвигалось с той выматывающей душу, сводящей с ума медлительностью, от которой страдает человек, видящий кошмарный сон. На самом же деле его, по-видимому, никто и не собирался преследовать, ибо он по-прежнему был один и все еще жив, когда хозяин сторожки по фамилии Армингтон наконец откликнулся на его слабое царапанье в дверь.

Армингтон помог ему добраться до свободной койки и послал своего маленького сына Эдвина за доктором Дэвисом. Раненый пребывал в полном сознании, но не мог сказать ничего сколь-нибудь вразумительного или, тем более, значимого, а лишь бормотал что-то вроде: "О, мои ноги!", "Отпусти!", или "...заперт в склепе".

Вскоре прибыл доктор со своим чемоданчиком, начал задавать пациенту всякие короткие вопросы, а затем снял с него верхнюю одежду, обувь и носки. Обнаруженные им раны - а обе лодыжки Берча и в самом деле были страшно изодраны чуть повыше ахиллесова сухожилия - крайне озадачили, а затем и не на шутку встревожили врача. Его вопросы несли в себе нечто большее, нежели просто вдумчивый интерес лекаря к состоянию больного, а руки заметно подрагивали, пока он обрабатывал и перебинтовывал изуродованные ноги, причем со стороны могло показаться, что ему хотелось как можно скорее убрать с глаз долой эти страшные раны.

Для в общем-то бесстрастного доктора Дэвиса были довольно нехарактерны те зловещие и полные благоговейного страха вопросы, посредством которых он явно пытался вытянуть из ослабевшего гробовщика все подробности его ужасного приключения. По какой-то непонятной причине он проявлял странную озабоченность, выясняя, действительно ли Берч был уверен - абсолютно уверен - в том, кому именно принадлежал тот гроб, что лежал сверху; каким образом он вообще отыскал его; как ему удалось убедиться в почти полной темноте, что это гроб с телом Феннера, и как он отличил его от стоявшего ниже точно такого же гроба с телом злобного Эйсафа Соьера. А затем высказал и вовсе неожиданное сомнение в том, что столь прочно сколоченный гроб Феннера так легко проломился. Давно работая в этой деревне, Дэвис, разумеется,

присутствовал на обоих похоронах, равно как и пользовал Феннера и Соьера во время их болезни, и ему показалось странным, что Берчу удалось уложить в гроб тело довольно долговязого Соьера так же ровно и прямо как и миниатюрного Феннера.

Пробыв в сторожке не менее двух часов, доктор Дэвис наконец ушел, предварительно наказав Берчу объяснять всем и каждому, что раны его были причинены исключительно острыми краями дерева и концами гвоздей. Да и потом, добавил он тогда, разве люди способны поверить во что-либо иное?

Впрочем, для Берча не составило никакого труда говорить именно то, что ему было предписано, и не подпускать к осмотру своего тела никого, кроме доктора Дэвиса. Вплоть до своего смертного часа Берч строго следовал наказу доктора, и лишь мне одному, как его новому лечащему врачу, рассказал детали всей этой истории; едва взглянув на шрамы - явно старые, зарубцевавшиеся и побелевшие - я также подумал, что он поступил совершенно правильно, послушавшись совета доктора.

После того инцидента Берч на всю жизнь остался хромым, поскольку ахиллесовы сухожилия и в самом деле были серьезно повреждены, однако мне кажется, что истинная причина столь неожиданной покорности крылась в его собственной душе. Следовало признать, что его мыслительные процессы, некогда такие флегматичные и вполне логичные, также претерпели жестокие изменения, и мне было горько замечать его подчеркнута возбужденную реакцию на каждое упоминание таких слов как "пятница", "склеп", "гроб", равно как и ряда других, не имевших столь явной связи с пережитыми событиями. Перепугавшаяся в ту ночь лошадь Берча вскоре вернулась в свое стойло, однако его собственный потрясенный рассудок так и не смог отыскать пути к родному пристанищу. Разумеется, он сменил род деятельности, однако отныне словно какой-то рок завис над его поникшей личностью. Возможно, это был всего лишь страх, а может, к нему примешивалось нечто вроде раскаяния за прегрешения и ошибки прошлых лет. Что же до его внезапно прорезавшегося пристрастия к спиртному, то оно скорее лишь усиливало воздействие тех пагубных воспоминаний, от которых он столь искренне стремился избавиться.

Едва покинув в ту ночь Берча, доктор Дэвис взял фонарь и пошел в тот самый склеп. Лунный свет достаточно ярко освещал изуродованный кирпич его кладки и испорченный фасад, а засов легко сдвинулся под самым незначительным движением руки. Закаленный прошлым опытом пребывания в анатомическом театре, доктор вошел и огляделся, чувствуя, однако, что вскоре задохнется от той нестерпимой вони, которую выделяли лежавшие кругом тела. Производя свой осмотр, он в один из моментов чуть было не издал невольный крик крайнего изумления от своего открытия, однако несколько минут спустя все же не удержался и выдавил из себя сдавленный и какой-то хриплый звук, который был страшнее любого вопля. Сразу вслед за этим он бросился в сторожку и, сам же нарушив все данные ему пациенту наказания, принялся трясти и будить Берча, после чего обрушился на него лавиной разгоряченного, вопрошающего шепота, который показался очумевшему после сна пациенту шипением негашеной извести, на которую выплеснули ведро воды.

- Берч, это был гроб Эйсфа, как я и предполагал! Я же отлично помню его челюсти -

спереди на верхней челюсти недоставало нескольких зубов. О Боже, не видать бы мне больше никогда ничего подобного! Тело сильно разложилось, но если мне еще когда-либо доведется увидеть выражение такой злобной, такой яростной мстительности на чьем-либо лице - точнее, бывшем лице!.. Вы же знаете, какая жажда мести всегда обуревала его, помните, как он преследовал старого Рэймонда даже через тридцать лет после того, как они затеяли между собой ту тяжбу по поводу границ их участков, и с какой яростью пнул того жалкого щенка, который вздумал тяпнуть его в прошлом августе... Да ведь это был сущий дьявол, Берч, и мне кажется, что его верность принципу "око за око" способна пережить любое время и одолеть даже самую смерть! Боже мой, до чего же страшна его ярость - какое счастье, что он не направил ее против меня!

Зачем вы это сделали, Берч? Он действительно был негодяем, и я не осуждаю вас за то, что вы подготовили ему бракованный гроб, но ведь вы всегда ухитрялись зайти в своих проделках слишком далеко! Ну, понимаю еще, сэкономить на чем-то, а то и просто пожадничать, но вы же не могли не помнить, сколь тщедушным был наш маленький старый Феннер.

До конца жизни в моем сознании не сотрется то зрелище, которое я увидел. Хорошо же вы, похоже, тогда ударили - ведь гроб Эйсафа стоял в самом низу! Голова трупа разбита, а все вокруг перевернуто, исковеркано... Много я чего перевидал на свете, но это даже для меня слишком. Око за око! Сказать по правде, Берч, вы получили по заслугам! Один лишь вид его расплющенного черепа едва не вывернул мой желудок наизнанку, но остальное и того хуже - ведь вас угораздило почти напрочь отрубить его лодыжки, чтобы Соьер поместился в гробу, который вы забраковали для Мэтта Феннера!

Перевод: Э. Серова

1993 год